

скаго, въ роли Бородинна («Не въ свои сани не садись», А. П. Островскаго). Г. Садовскій выступилъ въ этотъ день, однокоржъ, по въ первый, а въ четвертый разъ, такъ какъ до этого имѣлъ три дебюта.

Первый изъ нихъ состоялся именно ровно 25 лѣтъ тому назадъ—17-го октября 1869 г., такъ что сегодня фактически исполняется 25-лѣтнѣ служенія юбиляра нашей образцовой сценѣ. Высоко-талантливый артистъ игралъ въ этотъ день въ бенефисъ покойнаго теперь Колосова роль Подхалюзина въ комедіи Островскаго «Свои люди—сочтемся». Въ-стѣ съ дебютантомъ иверные играли роли: отецъ его Провъ Михайловичъ—Болшова, Н. М. Никифоровъ—Ризположенскаго и воспитанница Целюбова—Ольгиды Семеновны; остальные роли были распределены между маститой Н. В. Рыкаловой (Графена Кондратьевна), покойной Акимовой (Устинья Наумовна), г-жей Таллиновой (Фоминина) и г. Миленскимъ (квартирный). Черезъ три дня, 21-го октября, «Свои люди—сочтемся» были повторены съ дебютантомъ; 30-го ноября М. П. дали второй дебютъ, въ роли Андрея Титова («Железные дни» Островскаго), и 14-го декабря третій и послѣдній дебютъ юбиляра состоялся въ комедіи Островскаго «Горичье сердце», въ роли Васи Шустраго.

Уже послѣ этого, 14-го января 1870 г., М. П. игралъ роль Бородинна въ пьесѣ «Не въ свои сани не садись», для бенефиса своего знаменитаго отца Н. М. Садовскаго, и былъ принятъ въ составъ труппы Малаго театра.

Контрактъ съ М. П. былъ подписанъ 10-го мая 1870 г., а по официальной сиринкѣ въ «Ежегодникѣ», издаваемомъ дирекціей Императорскихъ театровъ, М. П. числится на службѣ со 2-го мая 1870 года.

Малый театр. — Спектакль 13-го января. Бенефисъ М. П. Садовскаго: «Льсы».

Опять приходится начинать съ фразы, сказанной по поводу бенефиса г. Рыбакова: слишкомъ большія ожиданія почти

всегда сопровождаются нѣкоторымъ разочарованіемъ. Въ прошлый разъ рѣчь шла собственно о пьесѣ. Въ данномъ случаѣ же приходится отнести къ исполненію. Рядъ блестящихъ именъ на афишѣ, исполненіе даже второстепенныхъ ролей такими артистами, какъ гг. Ленский и Горевъ,—все это заставляло ожидать съ особеннымъ нетерпѣніемъ бенефиса г. Садовскаго и возлагать на него большія надежды. Отчасти надежды эти оправдались, но только отчасти. Спѣшимъ, впрочемъ, оговориться: по бенефиснымъ, а особенно юбилейнымъ спектаклямъ составлять себѣ окончательное сужденіе объ игрѣ—никогда опасно. Это совсѣмъ особые спектакли, въ которыхъ настроеніе и публики, и артистовъ, такъ сказать, двойся: много времени, вниманія и силъ поглощается собственно чествованіемъ бенефицианта, и не только послѣдній, но и остальные артисты, и даже зрители, не могутъ не испытывать нѣкотораго утомленія, которое отражается отрицательно и на силахъ исполнителей, и на воспримчивости публики. Вотъ почему въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ высказывать свое мнѣніе съ особой осторожностью; вотъ почему, оставляя въ сторонѣ частности исполненія, слѣдуетъ сосредоточивать свое вниманіе, главнымъ образомъ, на тѣхъ общихъ контурахъ, которые придаетъ каждый изъ исполнителей своей роли; приходится даже говорить не столько о томъ, какъ *выполнилъ* артистъ свою роль, сколько о томъ, какъ онъ ее *задумалъ*, и можетъ-ли онъ вообще, по свойствамъ своего дарованія, передать ее въ такомъ толкованіи.

Начнемъ съ исполнителя роли Несчастливцева—г. Рыбакова. Роль эта, прежде всего, не совсѣмъ подходитъ къ физическимъ даннымъ артиста. Припомнимъте вишнюю характеристику Несчастливцева, сдѣланную самимъ Островскимъ: «Черты рѣзкія, глубокія и очень подвижныя,—слѣды безпокойной и неводержимой жизни». Лицо г. Рыбакова, даже при искусномъ гримѣ, едва-ли можетъ отвѣчать характеристической ремаркѣ автора. То-же можно сказать и о фигурѣ, осанкѣ, движеніяхъ г. Рыбакова: Несчастливцевъ—г. Рыбаковъ выходитъ слишкомъ рыхлымъ, мягкотѣлымъ мужчиной, съ мягкими и закругленными движеніями. Наконецъ, голосъ. Голосъ вообще боль-

ное мѣсто г. Рыбакова: глухой и очень небольшой по діапазону, онъ часто стѣсняетъ свободу игры артиста. А въ роли Несчастливцева голосъ играетъ немаловажную роль. Недаромъ самъ Несчастливцевъ считаетъ басъ основаніемъ въ пьесѣ, а Счастливцевъ ехидничаетъ по его адресу, что «оралы-то нынче не въ модѣ». По тембру голосъ Рыбакова подходитъ къ роли но его басъ недостаточно звученъ и силенъ, располагаетъ очень небольшимъ количествомъ нотъ: то и дѣло артисту приходится напрягать его до крайности, и все-таки звукъ остается глухимъ и слабымъ. Нѣкоторыя ремарки автора г. Рыбаковъ прямо не можетъ выполнить, какъ, напримѣръ, ремарку къ фразѣ: «основанія-то въ пьесѣ и нѣтъ». Не получается этого основанія и въ «Льсѣ».

Таковы вишніе, трудно устранимые недостатки въ игрѣ г. Рыбакова. Что касается внутренней стороны исполненія и замысла артиста, то послѣдній не всегда ясенъ для зрителя, и Несчастливцевъ въ исполненіи г. Рыбакова производитъ не вполне цѣльное впечатлѣніе. Артистъ проводитъ слишкомъ рѣзкую грань между моментами, когда Несчастливцевъ искрененъ, и между его театральничаньемъ. У г. Рыбакова Несчастливцевъ то только актеръ, то безусловно искренній человекъ, безъ всякой приподнятости и эффектичанья. Въ 3-мъ актѣ, напримѣръ, Несчастливцевъ все время только играетъ и изображаетъ: то полковника въ отставкѣ, вернушагося въ родной домъ, то спасителя обиженной женщины, то Гамлета и т. д. Нотка искренности, не чуждой, на нашъ взглядъ, Несчастливцеву и въ этихъ сценахъ,—въ игрѣ г. Рыбакова совершенно покрывается вишними театральными приѣмами трагика. Наоборотъ, весь 4-й актъ ведется артистомъ съ полной простотой, искренностью и сердечностью, за исключеніемъ развѣ лишь сцены его молчаливаго появленія во время разговора Улиты съ Арканхой. Если согласиться съ правильностью такого толкованія роли, то артистъ выполняетъ ее хорошо. Но намъ думается, что проводить столь рѣзкую грань между отдѣльными моментами едва-ли возможно. Психическіе процессы, происходящіе въ душѣ Несчастливцева, рисуются намъ въ та-

комъ видѣ и послѣдовательности: Несчастливцевъ—человѣкъ чуткій и воспримчивый, способный лишь къ преувеличеніямъ; всякій вишній фактъ вызываетъ въ немъ непосредственное и искреннее впечатлѣніе, но—по привычкѣ и въ силу его профессіи—всякое новое реальное впечатлѣніе сейчасъ-же ассоциируется въ немъ съ какими-нибудь прошлыми впечатлѣніями сцены и вызываетъ соответствующую реакцію: реальный фактъ смѣняется въ умѣ Несчастливцева аналогичнымъ вымышленнымъ положеніемъ, самъ онъ превращается въ лицо изъ пьесы и начинаетъ говорить словами послѣдняго; по первоначальной, исходной точкѣ такого превращенія—его непосредственно, реальное впечатлѣніе—все-таки сохраняется свою искренность и силу. Поэтому вишняя театральность не исключаетъ въ Несчастливцевѣ правдивости чувства, и въ его декламированіи отрывковъ изъ ролей долженъ звучать не одинъ только напускной наѣсъ, но и неподдѣльный лиризмъ. Цитаты изъ ролей—только наиболее привычная формула для выраженія его непосредственныхъ, хотя и преувеличенныхъ чувствъ и искреннихъ мыслей. Лучшее подтвержденіе тому—послѣдній монологъ 5-го акта. Заподозрить въ этотъ моментъ Несчастливцева въ неискренности—невозможно. А между тѣмъ, и этотъ искренній порывъ онъ заканчиваетъ, по привычкѣ, цитатой изъ «Разбойниковъ». Становясь на иную точку зрѣнія, г. Рыбаковъ силою необходимости придаетъ иногда Несчастливцеву двойственность и несоответствующій характеръ. Укажемъ, для примѣра, на первую половину третьяго акта и, въ частности, на сцену съ Карломъ. Г. Рыбаковъ—Несчастливцевъ производитъ въ этой сценѣ впечатлѣніе авантюриста, который только разыгрываетъ комедію, съ цѣлью воспользоваться удобнымъ случаемъ и поживиться на счетъ тетушки. А между тѣмъ, это едва-ли вѣрно. Въ этотъ моментъ Несчастливцевъ, если хотите, немножко Хлестаковъ, въ томъ смыслѣ, что, подъ влияніемъ впечатлѣній минуты и въ силу способности перерождаться въ изображаемое лицо, онъ самъ готовъ повѣрить въ свою мнѣшную военную службу, подвиги и походъ... Еслибы въ эти моменты г. Рыбаковъ